

Интервью номера

Токарев Вилли Рэссый Курьер 2005 - 8 Января - с. 28-29

Народный казак России, или Заслуженный еврей Брайтон-Бич

Окончание. Начало на стр. 1

В 1974-м, когда Вилли покинул Союз, мое образование по стоп пешком ходило. В 89-м, когда он впервые после долгого перерыва ступил на родную землю, мы занимались любовью и поступлением в институт. А вскоре обрушились разные судьбоносные события, окончательно затмившие возвращение Вилли Токарева. Мы забыли, что этот человек был нашим Колдубом. Он открыл нам свой Нью-Йорк — еврейский, эмигрантский, казачий, задолго до того, как Большое Яблоко перестало считаться загадочной планетой в далекой Галактике.

Вилли Токарев по происхождению кубанский казак, в юности плавал матросом на торговом судне, окончил музыкальное училище при Ленинградской консерватории, играл, пел, сочинял, уехал, вернулся, в ноябре минувшего года отметил свое 70-летие... Сегодня его называют символом (а также секс-символом) русского шансона. У Токарева черные усы, молодая жена, двое маленьких детей: дочь — Эвелина Виленовна, пятнадцать лет, и сын — Милан Виленович, полтора года. Почему они «виленовичи»? Потому, что настоящие имя их отца раскрывается на три источника: три основные части: Владимир Ильич Ленин...

Небосьребы оказались не так страшны, как он намалевал их в своей глянцевой песне. Но в любом случае, нынешнее местожительство Токарева — высотка на Котельнической. Здесь у него квартира (правда, всего лишь на третьем этаже), а подвал Вилли арендует под звукозаписывающую студию, оборудование для которой привез из Нью-Йорка.

— Вилли, вы здесь кого-нибудь пишете, кроме себя?

— Нет, никого. Просто удобно: в любое время, хоть ночью, проснулся,

пошел, поработал. Когда у меня в Америке была своя студия, я вообще такой кайф ловил... Свободная страна и при этом моя личная свобода творчества. Получалась свобода абсолютная. Почти.

— Вы сейчас много работаете? Много концертов даете?

— На днях еду в Краснодар. Потом улетаю в Израиль, где у меня будет двадцать концертов, все билеты уже проданы. Мне стоило больших трудов перенести два израильских концерта, потому что 16 февраля я должен был в Люксембурге. Там будет презентация фильма, где использована моя музыка. Я приглашен и даже дам маленькую концертную программу в Израиль, заканчивая гастролью. В Москве я выступаю регулярно в ночных клубах. Не выступаю на большой сцене, потому что большие сцены практически всегда заняты и очень дорого стоит рент. 15-20 тысяч долларов вы можете заплатить, чтобы выступить и ничего не заработать. Покупаешь себе рекламу. А мне реклама не нужна. Моя реклама — это песни мои, которые люди понимают до сих пор. Я выхожу на улицу, машины останавливаются, люди кричат: Вилли, Вилли!

— Вы без охраны ходите?

— Без! Когда в 89-м году дали мне двух амбалов, они мешали мне общаться с людьми, они мешали мне жить. Я сказал: ребята, уберите это.

— В 89-м вы впервые приехали в Союз из Штатов, так?

— Впервые после 15 лет отсутствия. Я приехал по приглашению Госконцерта, и у меня были триумфальные гастроли по всему Советскому Союзу. Потом я опять уехал в Америку. В 90-м покойный Юлиан Семенов предложил мне выступить на открытии газеты «Совершенно секретно».

— Впервые после 15 лет отсутствия. Я приехал по приглашению Госконцерта, и у меня были триумфальные гастроли по всему Советскому Союзу. Потом я опять уехал в Америку. В 90-м покойный Юлиан Семенов предложил мне выступить на открытии газеты «Совершенно секретно».

Там меня увидел Эдуард Смольный и сказал: оставайся, не езжай в Америку, забудь ее вообще, мы сделаем концерты. И он сделал концерты — от

Украины до Камчатки. Полгода, наверное. Я заработал тогда хорошие деньги, везде были переполненные залы, стадионы. Это было как награда за все, что я до того пережил. Я ведь приехал в Америку, у меня пять долларов было в кармане. Если бы я был еврей, мне было бы легче там. Евреи друг другу помогают.

— А притворяться?

— Мор. Но я решил в этой стране жить честно. Хотя я и в Советском Союзе жил честно.

Начало моего пути американского было очень трудным. Когда я таксистом работал, меня четыре раза грабили с пистолетом, могли убить спокойно. Я уже привык. Четвертый раз уже не боялся.

— Черные грабили?

— Черные, пуэрториканцы. Белые даже. Однажды симпатичная девушка села и с ней молодой человек. Одежды красиво. Завели меня куда-то в Квинс и приставили пистолет к головному. Я всегда с комором относился к этому делу. Брал себя в руки и старался шутить в меру обстоятельности. Один негр-наркоман хотел меня застрелить, так я ему стал рассказывать анекдоты по-английски рассказывать.

— Сколько же вы шерошили?

— Четыре года. Собирал деньги, чтобы выпустить свою первую пластинку. «В шумном балагане». После нее вся моя жизнь перевернулась с ног на голову, в хорошем смысле слова. Через месяц я был завален чеками. Сначала Америка, потом пошла Канада, Европа, Австралия, даже Япония. Благодаря этой пластинке я получил популярность во всем мире, много гастролировал.

Я пел в ресторане «Одесса» на Брайтон-Бич. Это как Мекка была для тех, кто приезжал в Америку. Писатели, политики — все приходило именно в «Одессу». Однажды привезли группу учиться маркетингу, им говорили: завтра у вас вы-

ходной, пойдете в Метрополитен-музеум. А они говорят: нет, не, к Вилли Токареву! Каждый день забит ресторан был. И когда я с триумфом вернулся из Советского Союза, мне стали платить полторы тысячи долларов за четыре дня. И три дня — выходные. До этого я, знаете, сколько получал? Сто двадцать долларов в неделю, без выходных.

— А на что вы жили?

— На чаевые. Там так принято.

— В 1985 году вы написали «По воскресеньям самолеты улетают, репатрианты возвращаются в Союз». И дальше: «Вот потихонечку наш шумный Брайтон тает, я не лечу, я буду здесь, я остаюсь». Однако же улетели вслед за остальными...

— Понимаете, мои песни — это не только мое мнение. Они несут собирательный характер. Хотя тогда я тоже так думал: я не лечу, я остаюсь. Когда меня пригласил Госконцерт, меня предупреждали: зачем тебе это нужно, тебе посядут. А я шутил, я и так сижу в тюрьме, только усиленным питанием. Имя в виду Америку. На самом деле это не так, конечно. Америка, если ты там родился или уехал туда маленьким, это страна потрагаская. А я уехал поздно, сорок лет мне было.

— В Советском Союзе работал в лучших коллективах страны. И был материально очень хорошо обеспечен. У меня была кооперативная квартира, я мог зимой покупать помидоры. За что был вызван в ОБХСС: а на какие средства вы покупаете помидоры зимой? Когда я им показывал корешки почтовых переводов за несни на радио, они сказали: извините, продолжайте покупать.

Я работал в ансамбле «Дружба» с Броневичем и Пыхой, с Жаном Татляном, с гениальным дирижером Анатолем Кропфом, с гениальным пианистом Борисом Рычковым. Я контраба-

писал так здорово, что-то там про трактор здорово... Какой смелый человек, какие вещи писал. Я купил все, что было в Америке издано, начал изучать его творчество. Шляканик мне много рассказало о нем; его личный директор, Высоцкий, который теперь живет в Америке, тоже рассказывал. Я знаю о Высоцком столько, что здесь в России это и говорить не надо, потому что, может быть, неприятно кому-то из его окружения.

— И так, вам захотелось уехать в Америку. Как вы это осуществили чисто технически?

— Я получил приглашение от моих друзей из Израиля. Тогда все ехало в Израиль. В Америку никого не пускали. Это уже в Риме они решили, куда дальше ехать. Так вот, меня вызвали на партокм и говорят: вы куда едете, в Израиль, вы же русский человек! Да вы знаете, что это за государство?! Самое главное, что убеждали меня евреи. Я не выдержал. Говорю: ладно, хорошо, не поеду. А друзья говорят: Вилли, ты все уже сделал. Напротив твоей фамилии большая «птичка». Ты здесь будешь изгоем. Пусть новый вызов тебе пришлют и уезжай отсюда. Опять меня вызывали: почему вы уезжаете? Я не могу им сказать: здесь свободы нет. Говорю: я хочу там учиться музыке. Они: поступайте у нас...

— Действительно: улица Герцена, государственная консерватория.

— Но я решил не сдаваться. И тут приехал в СССР Ричард Микос. И всех негодных они смели метлой, выгнали просто из страны. Сказали: через пять дней чтобы вас тут не было. Мне не разрешили взять контрабас, сняли у меня крест, отобрали ноты, но разрешили вывезти сто долларов. Я уехал сначала в Вену, потом поездом до Рима и стал ждать своей участи. Почему я хотел именно в Америку? Во-первых, я играл в джазовом

оркестре у Кролла и Рычкова хорошо знал американских авторов. Во-вторых, фильмов много смотрел. Хотя американское кино носит лакированный характер, я в этом убедился, как только ступил на американскую землю. В основном эта продукция создана, чтобы зомбировать людей. Может быть, даже в хорошем смысле слова. Дать отдушину.

Обычно в Риме подолгу ждали решения, а я уже через месяц оказался в Штатах. Мне сказали: у вас прошлое хорошее. Я удивился: откуда американцы знают про мое прошлое? А мне говорят: американцы все знают, не хуже КГБ. Попал я в Толстовский фонд. К дочери Льва Николаевича Толстого, Александре Толстой, она тогда была жива.

— Анекдот: Вилли Токарев в Толстовском фонде.

— Во-во. Она говорит: кой черт вас сюда принес, у нас фонд и так тридцать по швам, а тут еще набираются бродяги всякие. Мне ее прямо так понарилась. Меня посадили в страшный отель, на 50-м этаже, вниз было страшно смотреть, а мои окна выходили в какой-то колодезь. Помню, случилась гроза, — я как будто в предпоянней был. Жутко. Пустой колодезь и тараканы ползают. Думаю: да, вот это я попал...

— Тараканы, тараканы, а я маленький такой.

— Да, я скоро написал «Небоськребы». Ходил по городу и ощущал себя

трансе прошел пешком от Уолл-стрит до 161-й улицы и не заметил. Целый день шел.

Потом я перебрал книги у одного богатейшего человека из первой эмиграции. У него были такие экземпляры — с автографами Николая Первого, Второго. А с них пыль вытирал. Он был человек скупой, сам кушал, а мне никогда не предлагал. Но кое-что платил. Ему нравилось, что меня можно оставить дома, и я ничего не украду и в Россию с его телефона звонить не буду.

Потом я решил поехать на Брайтон. Там одна пекарня, тоже написано Wanted. Нужны уборщики. Мне давали хлеб горячий и платили в неделю около ста долларов. У меня был начальник — негр. И вот однажды он случайно пакует с мукой порвал, мука просыпалась, а он ее лопатой собрал и в чаш с тестом бросил. Я говорю: ты что делаешь? А он говорит: пипл нот пизг, эт эврисинг. Люди не свиньи, все съедят.

— По-нашему, пипл хавает.

— И я ушел. Я не мог там работать. Потому что я кушал булочки, которые мне давали, а они, может быть, с крысами. Потом я собрал каботу деньги, маме послал, поехал в украинскую сельскую школу. Хозяин спрашивает: шо вы работаете? У меня е место, треба хлопчик. Я заполняю квитанции, упаковывал посылки, все они шли в Советский Союз. И в это время у меня на 161-й улице раздался звонок: «Ваш телефон нам дали в Толстовском фонде. В Карнеги-холл будет концерт эмигрантов со всего мира. Вы хотели бы принять участие? А на чем вы играете? На контрабасе? Нам контрабас не нужен. Нам нужна балалайка. И спойте что-нибудь». Я стал вставать на два часа раньше и репетировать на балалайке, которую долго искал по всему Нью-Йорку и нашел на 5-й авеню, в очень дорогом магазине. Она была фанерная. Экзотика.

— Сувенир.

— Да. Она даже не звучала. Но мне ничего не оставалось, как выложить за нее 75 долларов. Настроил ее более или менее. Приготовил полурю из русских народных песен и песню на английском: «Ай лефт май хат ин Сан-Франциско». Мне аккомпанировал очень хороший пианист Володя Ратнер. Он тогда аккомпанировал Эмилио Горовцу. Мы прозвучали блестяще.

— Вы так и играли на сувенирной балалайке?

— А на какой? Где они другую возьмут? Они думают: все, что в России, приезжает со своими балалайками... Я спел «Подмосковные вечера», дали очень окончательно, кричали «бис», а у меня больше нет ничего. Выхожу после концерта, стоят пожилые люди, улыбаются: наши предки из России, мы языка не знаем, у нас свой бизнес, хотите, мы вам предложим работу, а то музыкаль вы здесь ничего не зарабатываете. И я пошел учиться на медбрат, а потом работал у них в таком центре, где одинокие больные, престарелые, увечные, от которых родственники отказались. Тут мне очень повезло. Мне предложили снять квартиру в новом доме на 10-й авеню. Половину квартплату оплачивает государство, половину я. Я вливаю самую лучшую квартиру, пять комнат, на 35-м этаже, с видом на Манхэттен, и даже статью Свободы видно было из окна. Думал, ко мне семья придет из Союза.

— Приехали?

— Нет. Их не выпустили, даже разговора не могло быть. Моих сестер, когда я уехал, — у меня три сестры, — вообще с работы уволили...

В этом медицинском центре у меня была начальница — негритянка. И мне очень не нравилось, как молодые девочки, тоже черные, обращаются с больными. Чуть что: шат ап, шат ап! Я пожаловался этой начальнице. Она говорит: ай ты, красивый, ты откуда приехал, тут и возвращайся! И я попал в немилость.

— Они черные, вы красивый. Просто какой-то Стендаль.

— Они начали надо мной измываться. Я начал в хозяйню. Он гово-

рит: «Знаешь, Вилли, тебе лучше уйти. Я не имею права ничего сказать. Здесь расизм наоборот». Я ушел, сел на пособие по безработице и с отличием закончил курсы по ремонту электронных печатных машинок. Но хотел заниматься только музыкой. В это время Советский Союз вошел в Афганистан, американцы начали водку нашу выливать в канавы, флаги рвать. С русскими никто разговаривать не хотел. А мы с пианистом Левой Шнейдером сделали очень профессиональную программу. Однажды на 50-й стрит зашли в театральный ресторанчик «Лос-Мадрилос». Два хозяина — кубинки и мексиканец. Нам очень нужна была работа. И я спел им «Темную ночь». Наверное, я никогда потом так не пел. Мы работали там семь месяцев. Каждый вечер играли до шести-семи утра, без выходных.

За это время мы с такими музыкантами встречались... И очень хорошо поправили свои финансовые дела. Лева обычно подбирал бычки, а тут каждый день стал курить «Шерман». Одежду купили, поправились. И музыкально очень окрепли. Потом хозяева что-то не поделили, продали ресторан, мы оттуда ушли в ресторан на Брайтон-Бич, там на одних чаевых можно было заработать 500 долларов в день. В день, понимаем?

— Зачем же вы еще в таксисты пошли?

— Я решил как можно быстрее заработать денег, чтобы пластинку выпустить. Через четыре года я собрал 25 тысяч. Оплатил блестящих музыкантов и выпустил «В шумном балагане».

— С кем из наших знаменитых эмигрантов вы дружили? Можете быть с Крамаровым, Синичкиным?

— Крамаров нашел меня, мы очень мило побеседовали, посидели в ресторанчике. Я удивился, какой он интеллигентный, сдержанный человек. Потом он уехал в Лос-Анджелес, и наши контакты были на уровне телефонных разговоров. А Борис Синичкин, да, это мой друг. Юмориста, равного ему, я никогда не встречал. Он мог из ничего сделать так, что все хохотали. Причем он использовал ненормативную лексику, но даже дамы не краснели, потому что это было на уровне высокого искусства. Мы вместе давали концерты, и вот однажды я приехал в Америку, на следующий день у нас должен был быть концерт, а ночью он умер.

— А что у вас за история с Япончиками?

— История такая. Я этого человека раньше не знал. Сказываю, он часто бывал в ресторане, но там много людей бывало. Мне передавали призывы от какого-то Славы, а что за Слава, я даже не интересовался. Он скромный человек, сидел в стороне, я его и не видел.

И вот вернулся я после гастролью по Союзу. Через неделю звонок на чистом итальянском языке. Я говорю: донт спик италик, плиз инглиш. Тогда уже на прекрасном английском человек говорит: нам нужны деньги. Я говорю: у меня нет денег. Ты врешь, ты вернулся с гастролью, у тебя деньги есть. Я подумал, шутка. Хотя такие шутки лучше не иметь. На следующий день звонок повторился: у тебя мало времени на размышление. Жутко было. Я рассказывал ребятам, они говорят, скажи так: если не хотите иметь дело со Славой, отвяжитесь от меня. Я так и сказал. И только я произнес имя «Слава», там повисли трубку. После этого я проникся таким уважением к этому человеку... Потом — всех тонкостей я не знаю — знаю, что его арестовали. Я написал песню, называется «Слава». И хотел уже передать, когда приехал в Нью-Йорк. Но мне в тюрьме сказали: вы должны месяц ждать. А я опять уехал в Россию. Потом он отбыл свой срок — девять лет, да? — его привезли сюда. Я услышал про это по телевизору и на второй день поехал в «Матросскую тишину». Купил фруктов, плейер, свой диск взял. Наивно думая, что я в России и все-таки присутствую. А мне сказали, что у него особый режим, к нему вообще никого не пу-

скать. Начальник тюрьмы пригласил меня в свой кабинет, угостил меня чаем, мы любезно побеседовали. Я предложил дать концерт бесплатно. Но до сих пор мне не позволили. Судьба Славы меня очень волнует. Пока что он в тюрьме, хотя по всему миру я слышал о нем такие отзывы — дай бог каждому.

— А я так же, что не дай бог никому. Можете вы лучше перед Ходорковским выступите?

— Пожалуйста. Почему нет? Каждый человек может дать свои мысли.

У меня никогда не было спонсоров, и мне никто ничего не давал. Я легко зарабатываю деньги и легко с ними расстаюсь. Деньги — они непостоянны, как женщины, они всегда хоят от тебя уйти. Ну и пусть уходят, мы найдем других.

Хотя я не знаю, делал ли ошибки Ходорковский. Я выступал и в детской колонии, и в женской колонии, и в колонии строгого режима в Оренбурге, где охранники стояли с автоматами. Причем бесплатно. Я не беру деньги в таких местах. Только сразу предупреждаю, что убийц и насильников не должно в зале быть. А остальные преступления — они такие, ругательные. Я готов помочь этим людям, пока они временно изолированы от общества. Они же там учатся чему-то...

— Что делает у вас на стене портрет Путина?

— Висит.

— Зачем?

— В нашем государстве президент — Владимир Путин.

— Бойтесь запомнить?

— Нет, но как гражданин этой страны, я обязан выполнять законы этой страны.

— У нас, слава богу, нет пока такого закона, чтобы под портретом вождя себя чистить.

— Но я же не звоно ему и не говорю: знаете, у меня ваш портрет висит. Я это сделал чистосердечно. Вот будет завтра, допустим, другой президент...

— Вы другого повесите.

— Да, повешу другого. А этот как память останется. У меня тут Горбачев висит, потом Ельцин, сейчас я его в квисере держу. Мне «патриотизм» у нас как-то затюкали, но я считаю, что сила государства — в патриотизме людей, которые любят эту страну, вне зависимости от того, какой президент сейчас у власти. Когда я слышу: я ненавижу Россию потому что, потому что, мне обидно. В Америке, в ресторане, где я работал, был два охранника. Один ирландец, другой итальянец. И вот однажды мы сидим под уличной лампой, и этот ирландец говорит: я, говорит, если кто-то на Америку нападет, пойду, говорю, и жизнь свою отдам... Итальянец гово-

рит: ми ту! Я люблю эту страну!.. Вот что должно быть. Хотя я понимаю, конечно, что они непоняли жуть...

— Вилли, какое у вас гражданство?

— У меня их два. Я пять лет жил в Америке по грин-кард, потом сдал экзамен и получил гражданство. А когда я сюда вернулся, мне российский паспорт дали.

— А сколько у вас было жен?

— До моей последней, любимой жены у меня было два с половиной брака. Первый раз женился по ошибке.

— Не страшно было заводить детей?

— Нет. Старость не по паспорту определяют. Я сейчас все то же могу, что в тридцать лет мог. Человек сам виноват, что стареть и умирает рано. Сами дети мне дают здоровье. Говорят, рожденный ребенок дает тебе двадцать лет жизни вперед. Я счастлив, что у меня прекрасные дети, я живу с прекрасной женой в прекрасной квартире...

— Вы ее купили или получили? Квартиру — я имею в виду.

— У меня есть в Нью-Йорке квартира и в Ялте. И все это я заработал своими руками, своим голосом. У меня никогда не было спонсоров, и мне никто ничего не давал. Я легко зарабатываю деньги и легко с ними расстаюсь. Деньги — они непостоянны, как женщины, они всегда хоят от тебя уйти. Ну и пусть уходят, мы найдем других.

— Вы замечательно легкий человек.

— Я радуюсь жизни, да. Вот сейчас я очень рад, что выпустил диск «Я вас люблю», потому что люди меня узнали с другой стороны. Кто-то написал, только журнал я не могу найти: «Вилли Токарев поет тончайшую лирику и с тончайшим отношением...» А Роберт Фарнон, откровенно светил, он писал для Синатры, для Тони Беннетта, я у него в Лондоне был, как бы поставил печать. The Master Voice — та кой титул мне дал. Но нет порока в своем отечестве. Меня на радио, бы вает, не берут, говорят: не наш формат, из концертов меня исключают. Отношение ко мне почему-то предвзятое. Но меня это не расстраивает, у меня есть любовь народа. Высшая награда для автора — когда его песни живут столько лет. Меня так встречают, я такое удовольствие доставляю людям, диски мои раскупаются. Все в порядке, Воршилово на лошадке. За чем я буду против ветра что-то делать? Не хотят — не надо.

Хотя очень жалко. Я имею большую опыт, я не просто кушал хлеб американский, я изучал искусство, слышал лучших исполнителей, симфонические оркестры, джазовые оркестры, балет смотрел — помню балет Алисии Алонсо, очень хорошо танцевали. Нурева видела... Потом вот этого, который движется... Которого все время судить хоят... Ну как его? Майкл Джексон! Был два раза на его концертах, он великий артист.

— Вы можете собрать ему передачу, когда его посадят. И песню написать — «Миша»! Скажите, Вилли, почему у вас до сих пор такой акцент?

— Я усиленно занимался английским языком, а там другие мыщлы лица участвуют. И я их так натренировал, что они теперь участвуют, и ко-

гда я по-русски говорю. Пел я по-английски почти без акцента. Говорил с акцентом.

— Кем были ваши родители?

— Они жили на уотере. Отец у меня водил машину. Образование у него было семь классов, но тогда это считалось лучше, чем сейчас десять. После войны его пригласили работать в город Кастильк на завод, где делали торпеды. Он был начальником цеха. Партиный. Я часто делал за него конспекты и «Краткий курс ВКП(б)» наизусть знал. До сих пор помню некоторые высказывания Сталина. Мама была женщиной незаурядной, с большим чувством юмора и с добротой души, хотя она была неграмотная. Писала с ошибками. Прекрасно готовила, любила детей своих...

— А вы точно не еврей?

— Абсолютно точно.

— Почему же у вас столько песен о евреях и от лица еврея написанных?

— Я же попал на Брайтон-Бич, в ту среду.

— Лай не лай, а хвостом вилай?

— Нет, просто я почувствовал отношение людей, которым я нужен. Я выпустил там 22 альбома. По моим песням люди изучали Нью-Йорк. А евреи были мне благодарны за то, что я их воспеваю. Но я воспеваю искренне. Меня нельзя купить ни за какие деньги, я не продаюсь никогда. Многие думали, что я еврей, и когда я по телевизору однажды сказал, что я не еврей, люди плакали. А потом перестали со мной здороваться, переходили на другую сторону улицы. Но это ненормальное. Они есть в какой национальности. И когда я сейчас приезжаю туда, мужчины мне руки целуют — так они благодарны. Кто-то сказал: «Вилли Токарев легализовал слово «еврей». Раньше говорили «еврей, еврей» шепотом. А теперь «еврей» — как «солнце», как «луна», все говорят. Мне неосциллиально присвоили титул «заслуженный еврей Брайтон-Бич».

— Вы всю жизнь усы носили?

— Да, они еще в школе у меня повисли.

— Бестактный вопрос: вы их красите?

— Нет. Видите, они с седinou у меня. В зеркало смотрю, думаю, о-о-о, седой скоро буду...

— То есть это ваш натуральный цвет?

— Натуральный, да. Что еще вас интересует? Насчет зубов могу сказать: имею пломбы на многих зубах. Апендцит вырезали. Зрение хорошее — минус два, читаю без очков спокойно. Остальное все, слышу вас хорошо, в рабочем состоянии.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ